

ОБРАЗЫ В ИСТОРИИ И ОБРАЗЫ ИСТОРИИ

М. В. КИРЧАНОВ

GEOGRAPHIA IMAGINARIA GOTHICA «ГОТСКИЙ» ПЛАСТ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ ВООБРАЖЕНИИ

Автор анализирует готские нарративы в советской и современной историографии. Черняховская археологическая культура (территории современной Украины) содержала многочисленные готские компоненты. Роль готов в развитии этой культуры отрицалась в советской историографии, воображаемая география Восточной Европы была дегерманизирована. В 1990–2000-е гг. готы «вернулись» в воображаемое пространство Восточной Европы и картированы в ее пространстве украинскими и российскими интеллектуалами. Однако другие украинские и российские авторы продолжают отрицать роль готов в развитии восточно-европейского пространства. Готские нарративы стали частью политического мифа и исторического воображения.

Ключевые слова: готы, черняховская культура, историография, национализм, воображаемая география, историческое картирование.

Воображение в географии, или тексты как источник для географического исследования

«Воображение» и связанные с ним производные играют особую роль в развитии современной географии за рубежом. Парадигма «воображения» в англоязычной географии оказалась в значительной степени универсальной, что содействует размыванию традиционной географии. Под несомненным влиянием Б. Андерсона и в целом в рамках предложенной им парадигмы написаны работы С. Райкрофт, Р. Джэннесса¹, С. Дэниэлса², Э. Стрит и С. Коулмэн³ и других исследователей. Использование подхода, предложенного Б. Андерсоном⁴, в частности, позволило обратиться в рамках географии к изучению не совсем географических проблем, что позволило, например, проанализировать, опираясь на **тексты (раннее замечаемые почти только историками)** о пространстве и прочие нарративные источники, специфику географического воображения в Англии в контексте формирования концепта «английскости»⁵. В такой ситуации углубляющегося междисциплинарного диалога исследователь

¹ Rycroft, Jenness. 2012.

² Daniels, Rycroft. 1993.

³ Street, Coleman. 2012.

⁴ Anderson. 1983.

⁵ Matless. 1998.

вынужден отходить от традиционного географического инструментария в пользу методов других социально-гуманитарных наук. Важным фактором в трансформации географического знания стал и культурный поворот⁶, который самым существенным образом изменил и отформатировал пространство гуманитарных наук на Западе, приведя к размыванию границ между отдельными и ранее почти изолированными областями знания. Именно поэтому в рамках современной американской культурной географии признается, что культура и разного рода культурные практики⁷, связанные с воображением и национальной памятью, которая проявляется, в том числе и в историческом воображении и мифотворчестве, стали важными инструментами в формировании коллективных представлений о пространстве и самого пространства, воспринимаемого в качестве проекции этих настроений и идеологических, политических предпочтений правящих элит и обслуживающих их интеллектуальных сообществ.

Таким образом, парадигма воображаемой географии активно и успешно применяется зарубежными культурными и социальными географами. С другой стороны, число оригинальных (не переведенных с английского) формально географических по направленности работ, написанных на русском языке в рамках этой парадигмы, остается крайне незначительным. В такой ситуации возникает и методологическая неясность относительно того, что считать или не считать условно *географическим* текстом. Новейшая актуализация культурной компоненты в географии привела к тому, что традиционный сугубо реальный и материальный объект сместился на второй и третий план, сделав более актуальным изучение не пространства, но образов в пространстве и представлений о пространстве, предложенных в рамках тех или иных идентичностей и культурных традиций. Ситуация постмодерна содействовала фрагментации исследовательского пространства и, поэтому, на смену некогда существовавшей единой «эссенциалистской» географии пришли несколько географий с «различными географическими эпистемологиями», сфокусированных не столько на физическом в пространстве, сколько на различных формах, методах, тактиках и стратегиях взаимодействия и коммуникации человека и различных сообществ с окружающих их пространством⁸. В подобной ситуации универсальной коммуникативной стратегией становится воображение (хотя некоторые его элементы имели место и в советской географии⁹, где они сравнительно быстро были идеологически

⁶ Dunn. 1997; Mitchell. 1995

⁷ Gibson. 2003.

⁸ Crouch. 2010.

⁹ Кабо. 1947, Михайлов. 1948, Саушкин. 1946.

удушены), которое давало интеллектуальным сообществам прошлого весьма вольно воображать пространство, картировать и населять его такими группами, которые воспринимались в качестве наилучших исторических предшественников, что использовалось для легитимации пребывания больших групп – наций – на той или иной территории, которая в их воображении трансформировалась в национальное государство.

Современная география на Западе развивается в условиях постепенно углубляющегося междисциплинарного синтеза. Американский географ Ричард Райт¹⁰ в конце 1990-х констатировал наличие тенденций к «повторному открытию» географии как научной дисциплины. По его мнению, «географическое понимание» нуждалось в переосмыслении. Трансформации в географической науке Райт связывал с утверждением постмодернистских интерпретаций и динамичным развитием «критической социальной теории», обязанной своим появлением структуриализму. Влияние постмодерна на гуманитарные науки оказалось столь велико и универсально, что представители, казалось бы, негуманитарных наук или дисциплин со спорным статусом, заговорили о своей сфере деятельности в постмодернистском прочтении, что привело к появлению «постмодернистских географий»¹¹. Ситуация постмодерна в географии привела к деконструкции пространства в его традиционном понимании и формировании особого направления деконструктивной географии¹², которая не разрушает старые представления о мире, но в большей степени демонтирует их, предлагая новые изобретенные / воображенные / сконструированные восприятия и интерпретации¹³, лишённые строго внутреннего единства. В подобной ситуации сложились условия для выделения «воображаемой географии» как особой формы гуманитарного знания, связанного с другими науками, в том числе с историей.

В целом в рамках современной американской географии «пространство, место и природа часто воспринимаются в качестве трех основных источников, которые содействуют географическому воображению»¹⁴, но утверждение новых принципов в географической науке содействовало появлению в научном сообществе качественно других представлений о времени и пространстве, их связи с современным состоянием территории и ее прошлым¹⁵ в контексте географии как особой формы знания. Это

¹⁰ *Wright*. 1999.

¹¹ *Soja*. 1989.

¹² *Agnew*. 2005.

¹³ *Inventing places...* 1992.

¹⁴ *Hubbard*. 2012.

¹⁵ *Allen*. 2011.

привело к ревизии представлений относительно традиционной для физической географии категории анализа – пространства в его чисто физическом разнообразии и многообразии; оно начинает в меньшей степени восприниматься как в категориях «физичности» и рассматривается в большей степени как совокупность культурных и исторических представлений о нем со стороны тех или иных интеллектуальных сообществ. Это, в свою очередь, приводило к еще большей фрагментации географического знания на Западе, содействуя росту «гибридной географии»¹⁶, сконцентрированной на изучении как традиционных для географического знания явлений физического пространства, так и тех проблем, внимание на которые географы обратили в рамках культурного поворота и актуализации тенденции к междисциплинарному синтезу.

Зарубежные географы подчеркивают, что в рамках культурной географии следует изучать «современные парадоксы ежедневной жизни, концептуального пространства культурных моментов, страхов, надежд и проектов»¹⁷. В рамках подобного максимально широкого восприятия самого предмета географического знания создаются условия для междисциплинарного синтеза и поэтому зарубежные географы в 2000-е гг. переключились на изучение, казалось бы, не совсем географических или вовсе не географических проблем и сюжетов. Вместе с тем, подобное расширение, точнее – изменение направления исследований в рамках культурной географии, поставило вопрос о ее принадлежности к географии вообще¹⁸. Этот вопрос становится более актуальным, если обратиться к текстам американских, британских, австралийских географов, написанных в рамках имагинативной парадигмы, то есть в русле воображаемой географии.

Доминирование социального и культурного, а также растущее внимание к роли политического измерения в географии¹⁹, в новом и качественно другом (прочтении) географического пространства привело к тому, что среда начинает восприниматься как вторичное²⁰, в значительной степени с подачи Б. Андерсона как воображенное и воображаемое, явление. С другой стороны, попытки ввести категорию «воображение» в методологический инструментарий географии имели место и в более ранний период²¹, причем инициаторами подобных нововведений являлись сами географы. Принятие парадигмы воображения, признание

¹⁶ *Whatmore*. 2002.

¹⁷ *Shields*. 1997.

¹⁸ *Jackson* 1997.

¹⁹ *Bouzarovski, Bassin*. 2011.

²⁰ *Cohen*, 1998.

²¹ *Lowenthal*, 1961.

ее универсальности позволило современной зарубежной географии самым радикальным образом расширить тематику проводимых исследований. Именно в подобной ситуации в культурной и социальной географии сложились новые направления или актуализировались уже существовавшие (историческая география, региональная география, феминистская география²²) – междисциплинарные области внешне географического, но гораздо более спорного и разноуровневого, знания.

Утверждение о том, что историческая²³ и географическая наука в СССР и на постсоветском пространстве в значительной степени была подвергнута и подвержена идеологизации, успело стать общим местом. Под идеологическим влиянием в советской модели организации науки пребывала и география²⁴. Особые условия для идеологизации исследования складывались в тех случаях, если изучаемый предмет пребывал на стыке различных областей знания. Это, в частности, относилось как к предьстории восточнославянской государственности, так и к проблемам локализации в пространстве различных государственных или протогосударственных образований и объединений, которые могли претендовать на статус ее исторического предшественника. Среди таких раннефеодальных государств особое место занимает «государство Эрманариха» – политическое объединение восточных германцев – остготов²⁵ – существовавшее на территории современной Украины.

«Государству Эрманариха» в историографии не повезло с локализацией, а сами готы превратились в объект исторического мифотворчества, которое нашло свое применение в условиях формирования германских наций. Американский политолог Крэйг Калхун подчеркивает, что «у национализма очень непростые отношения с историей»²⁶. Не менее сложны отношения национализма и с географией, особенно в тех случаях, когда речь заходит о пребывании представителей одной группы в пространстве другой, пусть даже и в исторической перспективе. В силу идеологических и политических соображений советские историки и их некоторые современные коллеги предпочитали не замечать и игнорировать и государственность исторических наследников Эрманариха – крымских готов. Один из ведущих специалистов по готской тематике М.Б. Щукин подчеркивает, что в советский период признание наличия в Восточной Европе в прошлом германского (готского) присут-

²² Clarke, Anteric. 2011.

²³ Астров. 2009; Борох, Ломанов. 2009; Шерпер. 2009.

²⁴ См.: Кирчанов. 2013.

²⁵ Вольфрам. 2003; Сюсько. 2007.

²⁶ Калхун. 2006.

ствия было крайне затруднено, так как «задевались национальные чувства»²⁷. О подобном игнорировании готов пишет и российская исследовательница В.П. Буданова, которая указывает на то, что на протяжении длительного времени готская проблематика в исторической науке была политизирована и пересекалась с географией в контексте «обоснования захвата территорий Восточной Европы и превосходства над славянами и другими народами»²⁸ со стороны германцев. В.П. Буданова в начале 1990-х гг. констатировала, что в изучении готов сосуществуют две крайности: с одной стороны, «немецкая националистическая историография стремилась к явному преувеличению роли готов в Европе, не останавливаясь перед прямой фальсификацией и подтасовкой фактов»; но с другой, то, что «в трудах ряда историков готы вообще исчезли из восточноевропейской истории»²⁹, также неверно.

Представления могут быть чрезвычайно живучими и болезненными, если они оказываются связанными с территориальными вопросами и стремлением вообразить то или иное пространство как исключительно «наше» путем его усиленной мифологизации и интеграции в существующие «большие» версии национальной истории³⁰. Если мы обратимся к картографическому материалу исторической литературы (от школьного учебника до академических исследований), то на территории, контролируемой готами, мы нередко сможем обнаружить бесцветные незакрашенные лакуны в славянском или другом инокультурном окружении.

В центре внимания настоящей статьи – проблемы трансформации готских нарративов в «большом» восточноевропейском (Украина, Крым) измерении в контексте трансформации географического воображения и исторической памяти в российской и украинской историографии.

Готам в определенном смысле «не повезло» не только с историографической судьбой, но и с узнаванием в современном мире, в котором доминирует массовая культура. Если мы в поисковике «Гугл» введем поисковый запрос «готы», то в первую очередь нам будут предложены результаты о готах как современной субкультуре и только потом о готах как одном германских исторических племен. Однако среди профессиональных историков готы, как правило, ассоциируются с рядом исторических явлений, наибольший интерес из которых для нас представляют черняховская археологическая культура и более поздние остготы, которые проживали на территории Восточной Европы.

²⁷ Шукин. 1999.

²⁸ Буданова. 1999.

²⁹ Буданова. 1990, С. 9.

³⁰ Thomson. 1968.

В исторической науке под готами понимают группу племен германского происхождения, прародиной которых была территория современной Швеции, откуда примерно во II в. н.э. готы проникли в Восточную Европу, на территорию будущей Польши. Археологическим измерением пребывания готов в восточноевропейском пространстве является черняховская культура, существовавшая в период между II и IV вв. на территории современной Украины, а также (частично) Молдовы и Румынии. Примерно в то же время возникает полиэтническое протогосударственное образование Ойум, просуществовавшее до последней трети IV в. Основу этого «государства» могли составлять племена готов. В III в. н.э. готская общность распадается на западную и восточную. Примечательно, что большая часть политических и исторических событий, связанных с остготами, происходила не в Восточной Европе, а на территории современной Италии, где с 489 по 553 год существовало королевство остготов. Хронологический предел присутствия готов как значимой политической силы в Европе – начало VIII в., когда (в 711 г.) арабы уничтожают вестготское королевство в Испании. Определенное готское присутствие сохранялось в периферийных регионах Европы примерно до XVII–XVIII вв. и было связано с крымскими готами, которые, как правило, локализируются на южном берегу Крыма. На протяжении II–VIII веков готы были важным политическим фактором, но постепенно не только утратили свои позиции, но и не оставили на современной этнической карте Европы таких групп населения, которые могли бы считаться непосредственными потомками и наследниками готов.

В XX в. готы оказались в центре исторических дискуссий и дебатов, а сама готская проблема играла не последнюю роль в конструировании исторической и географической версий тех или иных национальных памятей и идентичностей, о чем речь пойдет в последующих разделах настоящей статьи. Тематика и язык статьи могут в определенной степени выбиваться из формирующего канона российской культурной (гуманитарной) географии, что придает тексту определенную маргинальность. Вместе с тем, в истории советской науки в 1940–50-е гг. имел место этап чрезвычайно тесных и плодотворных связей между историческими и географическими исследованиями³¹. Примечательно, что именно историки «приходили» в географические штудии, а географическое в их текстах было фоном исторического содержания, что, например, характерно для работ С.В. Бахрушина³². Вместе с тем, степень проявления и соотноше-

³¹ Яцунский. 1950.

³² Бахрушин. 1927, 1959.

ния исторического и географического в современных работах по культурной географии является дискуссионной проблемой. Это связано с тем, что канон российской гуманитарной географии еще не сложился, а сами культурно-географические штудии развиваются в условиях мощного междисциплинарного синтеза различных гуманитарных наук.

Готы между искусством исторического забывания и географическими лакунами

Историческая наука в СССР была интегрирована в механизм формирования особой политической советской идентичности, которая имела географическое измерение: вся территория СССР воспринималась как своя, «советская». Этнические факторы русскости или украинскости в условиях политики русификации в рамках советской модели особой роли не играли. Поэтому исторические карты, сопровождавшие специализированную литературу от школьного учебника до академического издания, нередко оказывались чрезвычайно размытыми. С другой стороны, определенная роль признавалась за также весьма размытыми славянскими нарративами в историческом и географическом воображении и картировании истории, что вело к снижению роли инокультурного окружения или иных культурных оппонентов в славянизированном усилиями советских интеллектуалов пространстве. В этом контексте пространство для советского географа, вероятно, было в значительной степени не только идеологизировано, но и мифологизировано в том смысле, что само место, все пространство пребывания СССР на географической карте превратилось, по определению Дм. Замятина³³, в «мифологическое событие». Максимально от подобного воображения, развивавшегося в славяноцентричной системе координат, в широком смысле «не повезло» германцам, а в узком – остготам. В советской историографии готы превратились в едва ли не в маргинальное сообщество. Вероятно, существовало несколько причин столь неприятной историографической судьбы и не менее неприятной географической неопределенности и маргинальности остготов. Особую роль играли две мировые войны с Германией, которые актуализировали многочисленные антинемецкие страхи и комплексы в советизированных версиях русской и украинской идентичностей. Не менее важным фактором стало и отторжение норманской теории.

В условиях доминирования антинорманизма в советской историографии изучение истории восточнототской государственности, которая не только могла быть географически локализована на территории Украинской ССР, но и фактически предшествовала Киевской Руси, было поли-

³³ Замятин. 2010.

тически и идеологически невозможно. Поэтому, советские (украинские и русские) историки крайне редко обращались непосредственно к готской проблеме, предпочитая писать о черняховской археологической культуре. Последняя оказалась чрезвычайно удобным объектом изучения, так как ассоциировалась с донациональными формами политической организации. Ситуация изменилась только с распадом СССР, восстановлением украинской независимости, что позволило существенно расширить диапазон оценок и интерпретаций проблем, связанных с готами.

Вместе с тем, историко-географическое измерение готского присутствия³⁴ в Восточной Европе в контексте исторического / географического воображения и связанных с ним форм памяти и коллективных представлений о прошлом и пространстве относится к числу неизученных тем. Перипетии историографической судьбы готов достаточно четко были определены в 1999 г. В.П. Будановой, которая подчеркивала, что «развитие историографического мифа в готской проблеме становится самостоятельным объектом исследования... вновь история изучения готов демонстрирует уникальность: “готицизм” и готоведение из антитезы “не наука – наука”, “миф – факт” трансформируются в синтез, где “не наука” выступает самостоятельным компонентом»³⁵. Следует признать точность и образность определений В.П. Будановой, которая в конце 1990-х отразила не только связь с политической конъюнктурой, характерной для более ранней историографии, но и уловила предстоящий готский бум – не исследовательский, но в большей степени мифотворческий, связанный с формированием новых проектов идентичности, о чем речь пойдет ниже.

В советской модели готы как германцы были сообществом нежелательным и потому маргинализированным, хотя в предшествующей научной традиции³⁶ и русской зарубежной историографии³⁷ готы и прочие германцы – фигуранты и участники восточноевропейской исторической географии. История, по мнению молдавских исследователей В. Куско и А. Таки, «всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний»³⁸, тем более в тех случаях, когда эти состояния имели географические основания, связанные с необходимостью воображения тех или иных территорий как «своих». В подобной ситуации готам, как правило, не находилось места, когда речь шла об историческом картировании восточноевропейского пространства.

³⁴ *Бирнрауер*. 1995.

³⁵ *Буданова*. 1999.

³⁶ *Заморяхин*. 2003.

³⁷ *Вернадский*. 1996

³⁸ *Куско, Таки*. 2003

В тех случаях, когда речь заходила о черняховской культуре, советские историки и археологи предпочитали избегать четкого определения как ее границ, так и этнической структуры, подчеркивая, вместе с тем, ее преимущественно славянский характер. По мнению Дж. Коакли, «этнические сообщества и нации представляют собой группы, определяемые наличием общих представлений о себе, в которых самым действенным элементом является чувство общей истории»³⁹. Другим не менее важным элементом в развитии подобных идентичностей является географическое воображение, которое формирует, воображает и картирует пространство таким образом, чтобы оно в наибольшей степени служило интересам доминирующего большинства. Некоторыми советскими авторами актуализировался гетерогенный состав населения черняховской культуры, но наряду со славянским элементом они были готовы признать наличие фракийского и сарматского компонентов.

Роль германского (готского) присутствия в воображаемой географии Восточной Европы III–IV вв. существенно занижалась. При этом украинские советские историки (В. Баран, М. Смишко⁴⁰), в отличие от языковедов (которые позволяли себе находить германские элементы на территории СССР в древности⁴¹), были готовы дать отпор своим буржуазным оппонентам и доказывать почти примордиально славянскую историческую географию Восточной Европы, которая подвергалась ими соответствующему ментальному картированию. В частности, Э.А. Рикман⁴² подчеркивал, что собственно готские памятники на территории черняховской культуры «редки»⁴³. С другой стороны, для географического и исторического воображения советских интеллектуалов был характерен явный славяноцентризм и стремление «закрепить» за территориями Восточной Европы, которые составляли некоторые союзные республики СССР (например, Украинская ССР) исключительно славянский статус. Например, И.С. Винокур⁴⁴, анализируя проблемы этнического состава черняховской культуры, был готов картировать на ее территории сарматские и фракийские массивы, тщательно избегая упоминания о готских (германских) компонентах. Доминирование подобных наррати-

³⁹ Coakley. 2004.

⁴⁰ Баран. 1983; Смишко. 1961.

⁴¹ Топоров. 1983.

⁴² Рикман. 1975.

⁴³ В связи с развитием подобных идей в историографии российский историк В.А. Шнирельман подчеркивает, что «исторические концепции должны были придать уверенность доминировавшему большинству», тем более, если речь шла о территории, которую это «большинство» населяло. Шнирельман. 2003.

⁴⁴ Винокур. 1972.

вов в советской версии украинской историографии было связано с формированием особого канона исторического знания, основанного на принципах этноцентричности и связанными с ней «культурной и этнической эксклюзивностью». Г. Касьянов полагает, что «в такой стандартной схеме главным актором является своя нация. Все остальные либо отсутствуют, либо игнорируются. Иногда, когда необходимо присутствие другой нации, она служит либо фоном, либо антитезой своей нации, которая мешает своей нации реализовать свою сущность»⁴⁵. Именно в силу доминирования подобных тенденций готская тематика в украинской советской историографии была в значительной степени представлена фрагментарно и географически «вынесена» за пределы СССР. Если речь шла о Западной Европе, то упоминания готского присутствия (например, на территории Италии) были вполне допустимы. Но если речь шла о тех территориях, которые в 1970-е гг. входили в Украинскую ССР, то роль готов оценивалась, как правило, негативно. В частности, И.С. Винокур подчеркивал, что германцы (готы) выступали в пространстве Восточной Европы как завоеватели и лидирующая группа «королевства Эрманариха», но при этом советские историки подчеркивали, что основу его населения составляли «раннеславянские племена». Историческое картирование в работе И.С. Винокура имело идеологически выверенный характер. Карты, которыми сопровождалась его монография 1972 года, охватывали не только преимущественно территорию Украинской ССР, но и отражали присутствие в пространстве различных археологических культур, названия которых (зарубинецкая, пшеворская) не имели коннотаций с германским (готским) элементом или племен (геты, фракийцы, сарматы) также негерманского происхождения.

Подобные настроения оказались чрезвычайно устойчивыми в советской историографии, доминируя до начала 1990-х. В изданном на излете советской эпохи сборнике «Славяне и Русь (в зарубежной историографии)» точка зрения, которая озвучивалась советскими историками 1970-х гг., представлена без существенных модификаций, что относится, в том числе, и к картографическому материалу. Воображая пространство Восточной Европы I тыс. н.э., украинские советские историки, как правило, фокусировались на территории, входившей на тот момент в состав Украинской ССР, предпочитая наносить на исторические карты археологические культуры (липицкая, вельбарская, позднзарубинецкая), которые не ассоциировались с готами, или племена (сарматы) негерманского происхождения. Они не отрицали роли готов, но указывали на то, что историю

⁴⁵ Касьянов. 2009.

готского элемента следует рассматривать «в тесном сплетении с деятельностью субстратного населения»⁴⁶. В.П. Буданова⁴⁷ также не была склонна видеть в готах ведущую силу в конструировании политического пространства Восточной Европы, указывая на то, что те действовали в преимущественно славянском окружении. Таким образом, на протяжении доминирования советского исторического канона роль готского (германского) элемента в картировании и географическом воображении Восточной Европы оставалась незначительной, если не маргинальной.

Возвращение готов: картируя и воображая германцев в восточноевропейской географии

До распада СССР не менялись модели интерпретации истории⁴⁸. Если до начала 1990-х идеи и концепты, отличные от большого идеологически выверенного канона советской историографии, «не могли поколебать силу официального дискурса»⁴⁹, то в начале 1990-х ситуация изменилась. Поэтому, в 1990–2000-е гг. интерпретации состава черняховской культуры и германского элемента в ее рамках начали в значительной степени варьироваться. К концу 1990-х готы заняли свое место в воображаемой исторической географии Восточной Европы, будучи локализованы и картированы не только на территории зарубежных Балкан, но и в более эмоционально значимом (в силу того, что этот регион ранее входил в состав Советского Союза) для отечественных исследователей старшего поколения Причерноморье⁵⁰.

В российской историографии готы и славяне фигурируют в качестве соседей на пространстве Большой Восточной Европы, в частности, на территории Днепро-Донецкой лесостепи. Карты, которыми сопровождается монография И.В. Зиньковской 1999 года⁵¹, отражают в большей степени географию современного пространства региона и не привязаны к определенным этническим (готским, т.е. германским, или антским, т.е. славянским) группам. Примечательно, что концепт абстрактного соседства (или сосуществования)⁵² оказался чрезвычайно удобным и привлекательным, так как избавил исследователей от необходимости картирования готского и славянского элементов в регионе. С другой стороны, сегодня некоторые российские историки, вероятно, стремясь избежать

⁴⁶ Баран, Гороховский, Магомедов. 1990.

⁴⁷ Буданова. 1984.

⁴⁸ Линднер. 1997.

⁴⁹ Цвиклински. 2003.

⁵⁰ Буданова. 1999.

⁵¹ Зиньковская. 1999.

⁵² Козак. 1994.

излишней политизации своих исследований, посвященных готам, анализируют готскую проблематику не в рамках традиционной событийно-описательной модели, но в контексте интеллектуальной истории или истории идей. Так, в одной из своих новейших работ И.В. Зиньковская⁵³ локализует готов без жесткой привязки к реальной географии, но в большей степени на ментальных картах российской, украинской и западной историографических традиций. Однако ее книга, посвященная судьбе готов в историографии, скорее исключение, чем правило. Другие авторы ограничиваются географической локализацией и картированием пребывания готов на территории Восточной Европы, причем мнения украинских и российских историков относительно присутствия готов в восточноевропейском пространстве отличаются.

Некоторые историки в целом признают наличие готского (германского) пласта в истории пространства современной Украины⁵⁴, указывая на опасность мифологизации и идеологизации готской проблемы. Часть украинских историков, разделяя примордиалистские интерпретации и придерживаясь этноцентричной системы, прикрываясь концептом «полиэтничности»⁵⁵, склонны воображать географию Восточной Европы в национально выверенной системе координат и поэтому разделяют сами понятия «готы» и «черняховская культура», полагая, что вторая развивалась обособленно и сформировалась как преимущественно славянская до проникновения германского (готского) элемента.

В процессе написания национальной истории «неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм»⁵⁶, который актуализируется в тех случаях, когда история сочетается с географией, а интеллектуалы доминирующего большинства затрагивают проблемы предшествующего пребывания представителей иных культурных и языковых групп в пространстве, которое они склонны воспринимать как свое. В подобной ситуации черняховская культура рассматривается как комплекс славянских и сарматских элементов⁵⁷, а готское присутствие и его отражение в географии минимизируется. Другими украинскими авторами⁵⁸ актуализируется концепт чуждости готов в восточноевропейском пространстве, из которого те вытеснили славянское население. Примечательно, что подобная этнически выверенная интерпретация была актуализирована в

⁵³ Зиньковская. 2010.

⁵⁴ Айбабин. 2000; Шаров. 2010.

⁵⁵ Баран. 1981; 2004.

⁵⁶ Усманова. 2003.

⁵⁷ Рудич. 2010; 2004; 2003.

⁵⁸ Козак. 1994; 2004.

1990-е гг., хотя сформировалась еще в Украинской ССР. Другие украинские историки, наоборот, склонны картировать готское присутствие в восточноевропейской географии и признают черняховскую культуру в качестве преимущественно готской, отмечая на территории Украины наличие и другие германских племен⁵⁹.

Среди российских историков также есть сторонники восприятия черняховской культуры как преимущественно готской⁶⁰, а некоторые используют термин «восточногерманские племена Северного Причерноморья»⁶¹, применение которого в советский период было маловероятно, так как признавало наличие германского элемента в той географии, которая воображалась как «своя» – если не советская, то точно не германская. Часть украинских авторов склоняется к концепции гетерогенности населения черняховской культуры, избегая при этом четкого картирования ее отдельных элементов. Украинский археолог М.В. Любичев⁶², например, ограничивается констатацией «полиэтничности черняховского населения днепро-донецкой лесостепи», ставя германцев на последнее место после поздних скифов и сарматов. Наличие таких нарративов в современной украинской историографии свидетельствует о несоветской инерции в формировании воображаемого пространства прошлого и в историческом, ментальном картировании территории Украины в I тыс. н.э. Более позднее пребывание готов на территории Восточной Европы дискуссионно.

В целом, современное украинское академическое сообщество в рамках изучения готской проблематики может быть разделено на две группы. Первая представлена историками, склонными интерпретировать черняховскую культуру как гетерогенную или же с преобладанием славянского элемента. Вторая группа представлена исследователями, которые, наоборот, склонны актуализировать готский или более широкий германский компонент⁶³ черняховской культуры и восточноевропейской географии в целом. В частности, украинские археологи подчеркивают, что на всех территориях указанной культуры (например, на Волыни⁶⁴) были найдены «могильники и поселения готов»⁶⁵. Среди наиболее спорных, мифологизированных и идеологизированных проблем готской географии в восточноевропейском пространстве – исторические судьбы готов в Крыму.

⁵⁹ Магомедов. 1999; 2001; 2003.

⁶⁰ Шукин. 2005.

⁶¹ Лавров. 2003.

⁶² Любичев. 2000.

⁶³ Левада. 2006.

⁶⁴ Козак. 2011.

⁶⁵ Баран В.Д., Баран Я.В. 2005.

Примечательно и то, что сами дискуссии относительно крымских готов (в т.ч. территории расселения и продолжительности их пребывания на полуострове) успели стать объектом изучения⁶⁶. В развитии готских нарративов в современной историографии мы имеем дело с двумя крайними точками зрения. Существование Крымской Готии не оспаривается, вероятно, только зарубежными историками. Итальянский историк П. Скардильи⁶⁷ полагал, что готская традиция на территории Крыма существовала и развивалась «на протяжении столетий»; указывая на наличие «германского ядра» у населения полуострова. Часть авторов (преимущественно пророссийской и неосоветской ориентации, граничащей с крайним славянофильством⁶⁸) склонны минимизировать роль и присутствие готов, низводя его до незначительного эпизода в истории Крыма. Другие историки, наоборот, признают или даже подчеркивают пребывание готов в восточноевропейском пространстве⁶⁹. Украинские историки М.Б. Кизилов и В.В. Масыкин, хотя и указывают на сложность и дискуссионность локализации готского присутствия в географии Крыма, тем не менее, признают факт существования в средневековом Крыму в качестве особой контактной зоны Крымской Готии, а пребывание готов и использование крымско-готского языка в пространстве Крыма датируют III–XVIII вв.⁷⁰

В целом, зарубежная и украинская академическая историография⁷¹ не ставит под сомнение не только проживание готов в Крыму, но и сохранение готских элементов до XVII–XVIII вв., что встречает поддержку и понимание не у всех авторов, которые пишут о готах, содействуя еще большей мифологизации готской проблемы.

«Народ без Родины», или готы между локализацией и изгнанием в современной фольк-истории

Наряду с академическими исследованиями готская проблема в современной Украине (и частично в России) активно рассматривается как СМИ, которые периодически отмечаются публикациями по готскому вопросу, так и публицистами, работающими в жанре фольк-истории. После распада СССР и снятия идеологических ограничений «история переместилась в центр исторических дебатов»⁷². Немного позднее за ней после-

⁶⁶ *Пиоро*. 2000.

⁶⁷ *Скардильи*. 2012.

⁶⁸ *Андреев*. 2002.

⁶⁹ *Магомедов*. 2003; *Войтович*. 2008.

⁷⁰ *Кизилов, Масыкин*. 2010.

⁷¹ *Байер*. 2001; *Бандровський, Карманов*. 1997; *Казанский*. 2006; 1999; *Зинько*. 2008; *Пиоро*. 1990; *Пиоро*. 1999; *Юрочкин*. 2004.

⁷² *Lindner*. 1999. P. 631.

довала и география, которая также начала использоваться в идеологической и политической борьбе для доказательства исключительных прав того или иного сообщества на обладание определенными территориями.

В «изучении» географии готов в Украине отметились и фигуры маргинального плана, утверждающие: «государство германцев на землях Украины существовало 200 лет! Но советские учебники “засекретили” это»⁷³. Подобные нарративы свидетельствуют не только о крайне низком качестве данных текстов, но и о том, что история «представляет собой проект определенного типа»⁷⁴, ориентированный, в том числе на запросы массового потребителя, которому интересны не научные исследования, а сенсационные открытия. Другие авторы и вовсе утверждают, что Украина «была германским королевством», или же, что в Украине существовало «готское королевство»⁷⁵.

Помимо подобных радикальных локализаций, российский и украинский сегменты интернета содержат публикации, посвященные готскому вопросу, качество которых оставляет желать лучшего. В целом, их авторы не только признают пребывание готов и готской государственности⁷⁶ в пространстве Восточной Европы в исторической перспективе⁷⁷, но и указывают на возможность интеграции готского периода в национальные версии истории России или Украины⁷⁸. Часть из них указывает на то, что готы выступали в роли завоевателей, что, по их мнению, подчеркивает чуждость готского (германского) элемента в воображаемой восточноевропейской географии. Другие и вовсе склонны видеть в готах незначительную группу, которая практически не оставила следов в восточноевропейском пространстве. Некоторые крымские греческие публицисты⁷⁹ склонны минимизировать готское присутствие (в отличие от греческого) в исторической географии полуострова, полагая, что готы были быстро ассимилированы греками, а сведения Ожье де Бюзбека о встреченных им в Стамбуле в 1560 г. двух готах объявляют «явной фальсификацией», связывая пребывание готов в Крыму с агрессивными устремлениями Запада против православного мира.

Примечательно, что в этом многоголосом хоре звучат и относительно умеренные, взвешенные оценки. В частности, украинский жур-

⁷³ Бузина. 2010.

⁷⁴ Friedman. 2001. P. 41.

⁷⁵ Степанов. 2009.

⁷⁶ Готи і гуни... 2010.

⁷⁷ Терен. 2010.

⁷⁸ Тихомиров. 2010.

⁷⁹ Кесмеджи П., Кесмеджи Г. 2011. С. 86.

нал «Український тиждень», хотя и внес вклад в актуализацию готской темы, сделал это весьма умеренно и осторожно. Евгений Сыныця, например, отметил значительную идеологизацию готской проблематики в советский период, ограничившись абстрактным признанием того, что в прошлом готы присутствовали в пространстве современной Украины. С другой стороны, он подчеркивает, что те же готы на территории будущей Украины создали одно из своих государств [Синиця 2012]. Усилиями ряда украинских авторов готы «возвращаются» в воображаемое пространство Восточной Европы и их существование в определенной степени легитимизируется, о чем свидетельствует признание готской государственности. В подобной ситуации готы из нежелательных и чуждых германцев трансформируются в полноценных и равных со славянами (будущими украинцами) участников восточноевропейского исторического и политического процесса, хотя тенденции к дегерманизации Восточной Европы в плане воображаемой географии сохраняются. В наибольшей степени они характерны для греческой историографии Крыма, которая активно воображает иные версии крымской географии, основанные на принципах эллиоцентризма.

Готы на незавершенных картах Восточной Европы: выводы и перспективы исследования

Итак, готы были чрезвычайно неудобной темой для советской историографии, в то время как на постсоветском пространстве они превратились в предмет околонучных спекуляций, создав условия для нового мифотворчества. В советской модели исторического и географического знания готы были сознательно подвергнуты маргинализации, «изгнанию из пространства», так как являлись германцами, коим не нашлось места в советской воображаемой географии, особенно после Великой Отечественной войны и ликвидации немецкой автономии в РСФСР. Поэтому советские (украинские и русские) исследователи, занимавшиеся изучением черняховской археологической культуры (или более поздними проблемами), были вынуждены актуализировать ее гетерогенный характер, не фокусируя внимание на готском (германском) элементе, указывая, вместе с тем, и на то, что она предшествовала процессу консолидации восточных славян и генезису их государственности.

В этом контексте изгнание готов из советского географического пространства было связано и с формированием, развитием и укреплением советской модели политической идентичности, которая базировалась почти исключительно на славянском этническом фундаменте. Маргинализация готов в рамках советского географического и исторического воображения содействовала актуализации некой условно «чистой» модели

политической идентичности, усилению идеи автохтонности славян и, как следствие, легитимации восточнославянской государственности (Киевская Русь) как полностью самостоятельной и уникальной в том смысле, что она стала результатом социально-экономического развития именно славянских племен в рамках контролируемого ими географического пространства, а не их готских предшественников, которые контролировали регионы, позднее вошедшие в состав Древнерусского государства.

Изгнание готов из исторически воображаемого географического пространства Восточной Европы избавило Киевскую Русь от инокультурных и иноэтнических (готских, т.е. фактически германских) предшественников. Распад СССР в определенной степени реабилитировал готов, но процесс их возвращения и новейшей локализации, точнее – релокации, в исторической географии и пространстве Восточной Европы оказался затруднен. Российские и украинские историки начали пересмотр старых концепций истории черняховской культуры, которая стала восприниматься как гетерогенная, включающая германские (готские), так и славянские компоненты.

Подлинный «ренессанс» пережили крымские готы, интерес к их истории значительно возрос, что, в свою очередь, стимулировало рост греческого национализма. Греческие историки постсоветского Крыма, как оказалось, мало чем в методологическом и теоретическом плане отличаются от своих советских предшественников. Если советские историки «не любили» готов в силу идеологических соображений и поэтому «изгоняли» их с исторического пространства Восточной Европы, то современные греческие крымские историки делают с готами фактически то же самое, руководствуясь идеями греческого национализма, воображая и конструируя средневековую крымскую историю и географию исключительно в грекоцентричной системе координат. Вернувшись в историческое пространство Восточной Европы, готы не могут интегрироваться в историческую географию Крыма, сталкиваясь с жесткой греческой оппозицией и историографической традицией, которая склонна вписывать полуостров в воображаемый эллинский мир.

Таким образом, советская маргинализация и изгнание готов из восточноевропейской исторической географии (по политическим и идеологическим причинам), их постсоветская реабилитация и «возвращение» в новое пространство уже независимой Украины с последующей политизацией (в рамках греческой историографии Крыма) и мифологизацией готской проблематики (в дискурсе украинских СМИ) свидетельствует о той мощной роли, которую географическое воображение в сочетании с историческим играло и продолжает играть в формировании и трансформации

политических идентичностей. Кроме этого, процесс ментального картирования Восточной Европы в целом и Украины, как частного случая большого воображаемого восточноевропейского пространства, не завершен, о чем свидетельствуют новейшие злоключения готов (почти «изгнанных» усилиями крымских греческих историков) в воображаемом географическом и историческом пространстве постсоветского Крыма.

О важности текстов в географическом исследовании, или к множеству воображаемых миров-географий

Готы – не единственный народ, который исторически присутствовал на территории Большой Восточной Европы, но позднее оказался сложно картируемым на ее ментальных картах и в воображаемых географиях. Среди других претендентов на подобный статус – кельты и мадьяры в Украине, славяне в современной Австрии, болгары в Македонии, македонцы в Болгарии, украинцы на территории Кубани. Если кельты все-таки смогли быть интегрированными в историческую географию Украины, то с венграми сложилась иная ситуация. В условиях существования взаимных исторических претензий и мифов венгры в Украине оказались подходящими кандидатами для конструирования образа Других, что отягощено и определенным ростом реваншистских настроений в Венгрии, радикальные политики на территории которой указывают на венгерскую принадлежность Унгвара/Ужгорода, интегрируя его в воображаемый мадьярский мир. Аналогичная ситуация сложилась и с украинцами на территории Кубани: зона исторической украинской колонизации подверглась в XX в. советизации и русификации, что привело к превращению украинцев в национальное меньшинство. На современном этапе сложности картирования связаны с напряженными межгосударственными отношениями России и Украины и с ростом русского национализма.

Чрезвычайно перспективным направлением для изучения воображаемой географии может стать обращение к феномену Граца. Подобно многим другим городам Австрии в названии Граца заметны славянские корни. Кроме этого Грац (Graz) стал своеобразным коллективным местом памяти для соседних Хорватии и Словении. В хорватской исторической и политической традиции город известен как Gradac, а в словенской – Gradec. Сосуществуют и конкурируют три различные воображаемые географии – немецкого Граца, словенского Градеца и хорватского Градаца, которые актуализируются демографическими трансформациями 1990–2000-х гг., связанными с ростом численности в регионе выходцев как из бывшей Югославии (в первую очередь словенцев и хорватов), так и новых европейцев, прибывших из мусульманских стран Востока, которые в

перспективе могут сформировать новую, радикально иную воображаемую географию Граца, который необязательно будет называться *غراتس*, и где немецкоязычные австрийцы станут историческим воспоминанием или в лучшем случае окажутся религиозным и национальным меньшинством подобно хорватам или словенцам в современном Граце.

Не менее сложно и напряженно развиваются процессы географического и исторического воображения и картирования в Болгарии и Македонии. На протяжении XX века усилиями болгарских интеллектуалов формировалась особая воображаемая география Македонии как неотъемлемой части большого болгарского исторического и географического пространства. Все эти многочисленные интеллектуальные и научные упражнения и спекуляции сначала были поставлены под сомнение, а потом и вовсе сведены на нет двумя событиями – созданием македонской государственности в рамках политической географии Югославии и появлением на политической карте Европы независимой Македонии в начале 1990-х годов. Если в болгарских версиях македонской истории и географии пространство того, что сейчас известно как БЮРМ усиленно воображается в категориях болгарскости, то усилиями македонских интеллектуалов то же самое пространство, наоборот, усиленно македонизируется.

Все эти актуальные проблемы создают условия для их междисциплинарного изучения в будущем на стыке анализа различных форм и версий исторического и географического воображения. В центре новых работ, написанных в русле воображаемой (точнее – воображенной) географии, могут оказаться не столько пространства в их физической форме, сколько стратегии вытеснения и забывания присутствия других сообществ в пространстве, субъективно воображаемым в качестве своего. Универсальным источником для воображаемой географии могут стать тексты и коллективные представления о земле как почве для развития той или иной культуры и нации (в стиле эссенциалистских и приморидиалистских концепций, столь любимых большинством националистов), о территории, о пространстве в художественной литературной традиции. Не менее значимую роль в изучении воображаемых географий могут играть и условно научные тексты о пространстве, которые вполне могут применяться в качестве источника, особенно в тех случаях, когда речь идет об обществах, в которых национализм и связанные с ним aspirations не утратили своей роли. Воображаемая география, построенная на анализе не совсем географических нарративных источников, может оказаться интегративной формой знания для изучения тех или иных интеллектуальных сообществ, которые (будучи связанными

как с процессами национального строительства, так и с легитимацией пребывания на той или иной территории, в конкретном пространстве, отделенном политическими границами от таких же других пространств (Других) конструируют, воображают и картируют современные нации и национальные государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айбабин А.И.* Готы на Боспоре. Мифы и реалии // Боспор Киммерийский на перекрестке греческого и варварского миров. Керчь, 2000. С. 5–7.
- Андреев А.* История Крыма. М., 2002. С. 66–68.
- Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 109–124.
- Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро / науч. ред. А.И. Романчук. Екатеринбург, 2001.
- Бандровський О., Карманов О.* До питання про появу готів на Кримському півострові в III ст. н.е. // Вісник Львівського Університету. Серія історична. 1997. Вип. 32. С. 168–175.
- Баран В.Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблемы расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 7–48.
- Баран В.Д.* Черняхівська культура – поліетнічне утворення на території південно-східної Європи // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 91–102.
- Баран В.Д.* Черняхівська культура: за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. Київ, 1981.
- Баран В.Д., Баран Я.В.* Історичні витоки українського народу. Київ, 2005. С. 179. URL: http://www.anthropos.net.ua/jspui/bitstream/123456789/1789/1/174-182_Barан_V+Баран_Я.pdf
- Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В.* Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии) / отв. ред. П.П. Толочко. Киев, 1990. С. 30–78.
- Баран М.* Формування слов'янських старожитностей раннього середньовіччя за новими археологічними даними // IX Міжнародний з'їзд славістів. Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Київ, 1983.
- Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.
- Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. М., 1959.
- Бірнрауер Ф.* Готи в I–VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами // Археологія. 1995. № 2. С. 32–51.
- Борох О., Ломанов А.* Китай: возвращение небесного спокойствия // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 65–88.
- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990; СПб., 1999.
- Буданова В.П.* О трансформации «готицизма» // Славяне и их соседи. Средние Века – раннее новое время. М., 1999. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты / отв. ред. Л.В. Заборовский. С. 13–33.
- Буданова В.П.* Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников) // КСИА АН СССР. 1984. Вып. 178. С. 35–38.
- Бузина О.* Данпарштадт – германский город на карте Киева. URL: <http://www.segodnya.ua/world/ictorii-ot-olecja-buziny-danparshtadt-%E2%80%93-hermanckij-horod-na-karte-kieva.html>.

- Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь – М., 1996.
- Винокур И.С.* Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н.е. Київ, 1972. С. 18–21, 148–149.
- Войтович Л.* Готи на території України: результати досліджень на початок XXI століття // Археологічні дослідження Львівського університету. 2008. Вип. 11. С. 35–64.
- Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова. СПб., 2003.
- Готи і гуни на території України. Загадка гунів. URL: http://www.aratta-ukraine.com/sacred_ua.php?id=60
- Державин Н.С.* Готы и восточные славяне. URL: <http://rusmir.in.ua/ist/350-drevnejshij-period-v-istorii-slavyan-goty-i.html>
- Заморяхин А.* Готы Северного Причерноморья III–IV веков в дореволюционной отечественной историографии // Исседон. 2003. Т. 2. С. 171–183.
- Замятин Дм.* (2010) Локальные мифы: модерн и географическое воображение. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/dmitriy-zamyatin/12250-lokalnye-mify-modern-i-geograficheskoe-voobrazhenie.html>
- Зинько А.В.* «Готы» в Восточном Крыму // Боспорские исследования. Керчь, 2008. Вып. XIX. С.129–137.
- Зиньковская И.В.* Анты и готы в Днепро-Донецкой лесостепи / науч. ред. А.З. Винников. Воронеж, 1999. С. 132, 134.
- Зиньковская И.В.* Готы и черняховская культура в современной украинской историографии // Вестник ВГУ. Сер.: История, политология, социология. 2010. № 1. С. 23–31.
- Зиньковская И.В.* Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010.
- Кабо Р.М.* Природа и человек в их взаимных отношениях, как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. М., 1947. Сб. 5 (География населения). С. 5–32.
- Казанский М.* Германцы в Юго-Восточном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Сборник научных статей, посвященных И.С. Пиоро. Киев, 2006. С. 26–41.
- Казанский М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 277–297.
- Калхун К.* Национализм. М., 2006. С. 113.
- Касьянов Г.* Национализация истории в Украине. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/01/06/ukraine.html>
- Кесмеджи П., Кесмеджи Г.* История Княжества Феодоро. Греческая топонимика Крыма. Симферополь, 2011. С. 86.
- Кизилов М.Б., Масыкин В.В.* Готы // От киммерийцев до крымчаков. Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII века / ред. И.Н. Храпунов, А.Г. Герцен. Симферополь, 2010. С. 71–86.
- Курчанов М.В.* Географическое как слишком политическое: американская «реакционная» география и империализм в советском географическом воображении первой половины 1950-х годов // Культурная и гуманитарная география. 2013. № 1. С. 10–17. URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/66>
- Козак Д.* Торгово-ремісничий та культурний центр готів на Волині // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича. Львів, 2011. С. 324–345.
- Козак Д.Н.* До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н.е. // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 31–36.

- Козак Д.Н. Поселення готів на Хрінницькому водоймищі // Археологія давніх слов'ян. Київ, 2004. С. 49–90.
- Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // An Imperio. 2003. № 1. С. 485.
- Лавров В.В. Готские войны III н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 332–352.
- Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь–Керчь, 2006. Вып. 11. С. 194–249.
- Линднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусіка / Albaruthenica. Мн., 1997. Т. 6. Ч. 1. С. 118.
- Любичев М.В. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. Харьков, 2000. С. 133–139.
- Магомедов Б. Готи і гепіди в культурах римського часу // Українська наука: минуле, сучасне майбутнє. Археологія Тернопільщини. Тернопіль, 2003. С. 155–161.
- Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин, 2001. С. 115–117.
- Магомедов Б.В. Готи в Східній Європі // Археологія. 1999. № 4. С. 57–64.
- Михайлов Н.Н. Образ места // Вопросы географии. М., 1948. Сб. 10 (Экономическая география СССР). С. 193–198.
- Петухов Ю.Д., Васильева И.Н. Агрессия против Великой Алании: готы и гунны. URL: http://admw.ru/books/_YU-D-Petukhov-N-I-Vasileva-Evraziyskaya-imperiya-skifov-14
- Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
- Пиоро І.С. Кримські готи у світлі минулих та сучасних історико-археологічних досліджень // Хроніка – 2000. Вип. 33. Крим – кризь тисячоліття. С. 239–248.
- Пиоро І.С. Готи в гірському Криму // Vita Antiqua. Київ, 1999. Вип. 1. С. 89–94.
- Пиоро І.С. Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. 2000. № 3. С. 18–27.
- Пятигорский С. Змиевы валы – табу в истории. URL: http://www.softhawkway.com/zmievy_valy.htm
- Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 302–332.
- Рудич Т. Антропологічний склад населення черняхівської культури Західної України // Археологія. 2004. № 3. С. 37–48.
- Рудич Т. Антропологічний склад населення черняхівської культури Північного Причорномор'я // Археологія. 2003. № 4. С. 19–32.
- Рудич Т.А. Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии // Stratum plus. 2010. № 4. С. 223–231.
- Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. М., 1946. Сб. 1. С. 97–106.
- Синиця Є. «Країна Оюм»: готські племена зробили помітний внесок у культуру давньої України // Український тиждень. 2012. 17 березня. <http://tyzhden.ua/History/44371>
- Синиця Є. Війни за готів: готський спадок в Україні ХХ ст. став чинником ідеологічної боротьби // Український тиждень. 2012. 17 березня. <http://tyzhden.ua/History/44372>
- Скарицький П. Готы. Язык и культура / пер. с нем. А.Д. Сыщикова, науч. ред. Г.А. Баева, П.В. Шувалов. СПб., 2012.
- Смішко М.Ю. Відносно концепції про германську намежність культури полів похавань // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 1961. № 3. С. 59–76.

- Степанов М. Готи // Пресс-центр. 2009. 2 сепня.
URL: <http://pres-centr.ck.ua/print/news-12165.html>
- Сусько К.М. Готи в історії Європи // Карпатика. 2007. Вип. 36.
URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Karpatyka/2007_36/011.htm
- Терен М. Немцы, готы и германцы. <http://narodna.pravda.com.ua/history/4ab3d0d7dc7be/>
Тихомиров В. О, майн готы! URL: <http://www.ogoniok.com/5009/23/>.
- Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 227–263.
- Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. 2003. No 3. С. 337.
- Цвиклински С. Татаризм vs булгаризм: «первый спор» в татарской историографии // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. С. 364.
- Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 251–285.
- Шеррер Е. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. № 3–4. С. 89–108.
- Шницерльман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 11.
- Шукин М.Б. Время «Че» – рубеж тысячелетий // *Stratum plus*. 1999. № 4 (Время «Че»: к столетию открытия черняховской культуры). С. 5–7.
- Шукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Юрочкин В.Ю., Колтухов С.Г. Готия // *От Скифии до Готии*. Симферополь, 2004. С. 100–201.
- Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // *Вопросы географии*. М., 1950. Сб. 20 (Историческая география СССР). С. 13–41.
- Agnew J.A. Space: place // *Spaces of geographical thought: deconstructing human geography's binaries* / eds. P. Cloke, R.J. Johnston. Thousand Oaks, 2005. P. 81–96.
- Allen J. Making space for topology // *Dialogues in Human Geography*. 2011. Vol. 1. No. 3. P. 316–318.
- Anderson B. *Imagined Communities*. L. – NY., 1983.
- Bouzarovski St., Bassin M. Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower // *Annals of the Association of American Geographers*. 2011. Vol. 101. No. 4. P. 783–794.
- Clarke R., Anteric M. Fanny Copeland and the Geographical Imagination // *Scottish Geographical Journal*. 2011. Vol. 127. No. 3. P. 163–192.
- Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 532.
- Cohen P. Geography Redux: Where You Live Is What You Are // *New York Times*. 1998. March 21.
- Daniels S., Rycroft S. Mapping the modern city: Alan Sillitoe's Nottingham novels // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1993. No. 18. P. 460–480.
- Dunn K.M. Cultural geography and cultural policy // *Australian Geographical Studies*. 1997. Vol. 35. No. 1. P. 1–11.
- Flirting with Space: Journeys and Creativity / ed. by David Crouch. Burlington, 2010.
- Friedman J. History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No. 1. P. 41.

- Gibson Ch.* Cultures at work: Why 'culture' matters in research on the 'cultural' industries // *Social & Cultural Geography*. 2003. Vol. 4. No. 2. P. 201–215.
- Hubbard Ph.* Thinking spaces, differently? // *Dialogues in Human Geography*. 2012. Vol. 2. No. 1. P. 23–26.
- Inventing places: studies in cultural geography / eds. K. Anderson, F. Gale. Melbourne, 1992.
- Jackson P.* Geography and the cultural turn // *Scottish Geographical Magazine*. 1997. Vol. 113. No. 3. P. 186–188.
- Lindner R.* New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4. P. 631.
- Livingstone D., Harrison R.T.* Meaning through metaphor: analogy as epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1981. Vol. 71. No. 1. P. 95–107.
- Lowenthal D.* Geography, Experience, and Imagination: towards a geographical epistemology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1961. Vol. 51. No. 3. P. 241–260.
- Matless D.* *Landscape and Englishness*. L., 1998.
- Mitchell D.* There's no such thing as culture: towards a reconceptualisation of the idea of culture in geography // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1995. No. 20. P. 102–116.
- Rycroft S., Jenness R. J.B.* Priestley: Bradford and a provincial narrative of England, 1913–1933 // *Social & Cultural Geography*. 2012. Vol. 13. No. 8. P. 957–976.
- Shields R.* Flow as a New Paradigm // *Space and Culture*. 1997. Vol. 1. No. 1. P. 1–7.
- Soja E.* *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. N.Y., 1989.
- Street A., Coleman S.* Real and Imagined Spaces // *Space and Culture*. 2012. Vol. 15. No. 1. P. 4–17.
- Thomson D.* Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers // *Encounter*. 1968. Vol. 30. No. 6. P. 27.
- Whatmore S.* *Hybrid Geographies: Natures, Cultures, Spaces*. L., 2002.
- Wright R.* Some Reflections on Relevance in Rediscovering Geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1999. Vol. 89. No. 1. P. 155–157.

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений Воронежского государственного университета; maksymkirchanoff@gmail.com.